

С. В. Холяев

Три Февраля 1917 года



Б.Кустодиев. Начало Революции. 27 февраля 1917 г.

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, ассистент кафедры политологии Ярославского государственного технического университета.

Февраль до сих пор остается в числе самых противоречивых и парадоксальных явлений российской истории и продолжает вызывать споры. Но одно из его противоречий кажется настолько очевидным, что ускользает от внимания исследователей, несмотря на множество публикаций, посвященных Февралю¹.

Как могло получиться так, что современники в те дни по-разному, прямо противоположно оценивали одно и то же событие? Часть из них (либералы) считала, что происходит общенациональная революция, в которой участвуют все слои общества, от великих князей до народных «низов» (рабочих и солдат), и целью ее является создание правительства, способного продолжать войну; таким образом, революция совершается во имя продолжения войны. Другие же были уверены, что революция имеет антивоенный характер и должна привести к прекращению войны. Эту точку зрения разделяли широкие слои русского народа.

Советская историография упрощала проблему. Считалось, что не было разных точек зрения, а были лишь попытки маневра. Буржуазия (прежде всего либералы) знала, что ее политическая линия не пользуется поддержкой в народе, но надеялась на то, что меньшевики и эсеры помогут овладеть народным движением, подчинить его, а после этого они (либералы) смогут реализовать свою политическую программу, продолжить войну. И, следовательно, такое «разномыслие» было возможно лишь потому, что эсеры и меньшевики в феврале 1917 года предали интересы восставшего народа².

В действительности ситуация была более сложной. По крайней мере в февральские дни либералы искренне верили в свою способность повести за собой народные массы, в противном случае они не присоединились бы к народному восстанию.

Так почему же стало возможным подобное разномыслие в февральские дни⁷? Ведь вопрос об отношении к войне в то время был центральным, важнейшим для общества. И предали ли меньшевики и эсеры народ в Феврале 1917 года? Чтобы понять происходившее тогда, придется проследить под этим углом зрения сам ход февральских событий.

Начнем с одного на первый взгляд малозначительного эпизода накануне февральских волнений³. 22 февраля 1917 г. к депутату Государственной думы А.Ф. Керенскому, лидеру фракции трудовиков, состоявшей всего из 10 человек, явилась на прием группа рабочих Путиловского завода. Делегация сообщила Керенскому, что на заводе, подвергнутом в этот день локауту, затевается событие, которое может иметь далеко идущие последствия. На-

чинается какое-то большое политическое движение. Пришедшие на прием рабочие заявили, что считают своим долгом предупредить депутата об этом, так как они не знают, чем это движение кончится, но для них, по настроению окружающих их рабочих, ясно, что должно произойти что-то очень серьезное.

Организаторами политической забастовки на Путиловском заводе были большевики. Поводом послужило временное закрытие завода из-за проводившейся там с 17 февраля экономической забастовки. Большевистская организация завода воспользовалась случившимся и постаралась придать забастовке политический характер. В тот же день, 22 февраля, Выборгский районный комитет большевиков поддержал путиловцев и решил остановить 23 февраля работу на предприятиях двух районов города, Нарвского и Выборгского, провести митинги солидарности с путиловцами, а заодно отметить и Международный женский день (дню 23 февраля по старому стилю соответствовало 8 марта по новому)⁴.

Сегодня многие историки и политики утверждают, что большевики не имели существенного влияния в феврале 1917 года⁵. Между тем они были по меньшей мере инициаторами вывода рабочих на улицы. Во время войны популярность большевиков значительно возросла. Способствовала этому прежде всего их антивоенная пропаганда (большевики были единственной политической партией, с самого начала открыто выступившей с осуждением войны) и активное участие в антивоенных акциях: рабочих забастовках и солдатских волнениях. Поэтому петроградские рабочие, к началу 1917 года уставшие от войны, из всех политических партий, действовавших в столице, предпочитали большевиков (и левых эсеров). Вследствие этого большевикам накануне Февраля удалось взять под свой контроль рабочее движение в Петрограде. И на первом этапе революционных событий, продолжавшемся с 23 по первую половину дня 27 февраля, партийные структуры большевиков (Петербургский городской и Выборгский районный комитеты, Русское бюро ЦК, часть большевистского ЦК, находившаяся в России) играли наиболее деятельную роль⁶.

Конечно, начиная забастовку на одном из предприятий Петрограда, большевики не предполагали, к каким серьезным последствиям она приведет (это была далеко не первая забастовка, проходившая в военное время)⁷. Первоначальные цели большевиков были не столь значительны: во-первых, они полагали, что, поддерживая путиловцев, рабочие других предприятий ограничатся однодневными митингами солидарности и, во-вторых, митинги намечались всего в двух районах города, на Выборгской стороне и Нарвской заставе. Однако рабочие петроградских предприятий вместо однодневных митингов начали бессрочную стачку, размах которой превзошел все ожида-

ния большевиков. В одном Выборгском районе в первый день волнений, 23 февраля, забастовало 32 предприятия (примерно 60 тыс. человек). На следующий день стачка вышла за пределы двух большевизированных районов, а уже 25 февраля стала общегородской, охватив 80% петроградских рабочих (около 306 тыс. человек)⁸.

В первые дни Февраля большевики проявили некоторую растерянность. 23 февраля они поставили своей целью разжигать начавшееся движение «до крайних пределов», но еще 24 февраля под «крайними пределами» понимались простые «схватки вооруженных рабочих с полицейскими и верными трону войсками». Только на третий день Петербургский городской комитет разработал план дальнейших действий — перевести общегородскую стачку в вооруженное восстание и на волне этого восстания постараться захватить власть⁹.

Как могли большевики ставить перед собой в феврале такие крупные задачи, если в те дни в Петрограде почти не было хоть сколько-нибудь влиятельных большевиков? Из 29 человек, избранных впоследствии на VI съезде, в августе, в знаменитый ЦК, готовивший октябрьский переворот, в февральские дни в Петрограде не находилось ни одного!¹⁰ Да и разве не сам В.И. Ленин всего за два месяца до Февраля полагал, что России еще далеко до революционных битв?

Но партийная стратегия предусматривала приход к власти в результате народного восстания, свергающего самодержавие, через образование в ходе восстания Временного революционного правительства, в котором большевикам должна достаться ведущая роль¹¹. На протяжении длительного времени они готовились к захвату власти и досконально изучали предшествующие эпизоды, когда социалисты пытались захватить власть: Парижскую коммуну и Декабрьское вооруженное восстание 1905 года в Москве.

Такой план и был разработан 25 февраля. Большевики намеревались создать на каждом петроградском предприятии заводские комитеты (естественно, они собирались захватить в завкомах ведущие позиции), а в дальнейшем уже из своего состава эти завкомы должны были выделить представителей в так называемое Информационное бюро. В первоначальную задачу Информационного бюро входило обеспечение связи между городским комитетом партии и предприятиями города, то есть создание Информационного бюро планировалось для оповещения рабочих о распоряжениях, отдаваемых большевистской партией. Впоследствии, после начала рабочего восстания, на определенном его этапе, большевики хотели объявить этот всецело подчиненный им орган Советом рабочих депутатов. В таком случае большевики предполагали

получить в нем заметное преобладание. И потому, по их планам, на конечном этапе восстания Совет обязан был сформировать пробольшевицкое Временное революционное правительство.

О подробностях заседания Петербургского городского комитета, разработавшего этот план, стало известно охранке из донесения осведомителя, подчеркнувшего руководящую роль партии: «Петроградская организация РСДРП., в течение двух дней происходивших в Петрограде волнений, решила использовать в партийных целях возникшее движение и, взяв руководство участвующих в нем масс в свои руки, дать ему явное революционное направление»¹². При этом на данном этапе большевики действовали совместно с двумя другими политическими интернационалистскими организациями: левыми эсерами во главе с П.А. Александровичем и социал-демократами-межрайонцами, по своим политическим взглядам более близкими к большевикам, чем к меньшевикам¹³. Это был союз политических сил, выступавших за выход России из войны, имевший ярко выраженную антивоенную направленность. Иначе говоря, развитие Февраля на этом этапе определяли силы, выступавшие против войны, причем ведущая роль в этой коалиции принадлежала большевикам.

Реализовать разработанный план в полном объеме не удалось. В ночь на 26 февраля было арестовано несколько большевицких руководителей, в том числе три члена ПК (А.К. Скороходов, А.Н. Винокуров и Э.К. Эйзеншмидт). Арест членов ПК — органа, непосредственно приводившего в исполнение данный план, внес замешательство в ряды большевиков. Лишь к середине дня это замешательство удалось преодолеть: общее руководство борьбой рабочих перешло от ПК к Русскому бюро ЦК. В руководящих партийных структурах большевиков был восстановлен порядок, однако время для проведения выборов в завкомы было упущено (26 февраля выборы в завкомы состоялись только на некоторых предприятиях). Большевики торопились начать вооруженное восстание и вечером 26 февраля на совместном заседании Русского бюро ЦК, Выборгского районного комитета и оставшихся на свободе членов ПК приняли решение о начале утром 27 февраля рабочего восстания¹⁴..

Уже на стадии свержения самодержавия, большевиков волновал вопрос: что будет с властью после ликвидации царизма, какие политические силы возглавят страну? В борьбе за власть они видели конкурентов себе в лице двух других крупных политических сил — либералов и умеренных социалистов, меньшевиков и эсеров. Большевики не опасались либералов, поскольку твердо знали, что рабочие за либералами не пойдут. Но они опасались умеренных социалистов как политической силы, которая, по их

мнению, была способна отсрочить крах либералов и передать им власть после свержения самодержавия. Поэтому в предфевральский период критика большевиков направлялась не столько против либералов, сколько против меньшевиков и эсеров. Ленин незадолго до Февраля обвинял меньшевиков: «Вы обещаете быть революционерами, а сейчас помогаете шовинистам, буржуазии, царизму»¹⁵. Вообще Ленин считал, что всякий социалист, сотрудничающий с либералами, есть предатель социализма, предатель рабочего класса.

Утверждая, что меньшевики и эсеры, сотрудничая с либералами, желают подчинить интересы рабочего класса интересам либералов, буржуазии, большевики были неправы. Умеренные социалисты представляли собой самостоятельную политическую силу, причем, как показало дальнейшее развитие событий, более крупную, чем либералы. Сотрудничая с либералами в интересах борьбы с самодержавием, эсеры и меньшевики преследовали свои собственные цели. Но большевики не ошибались, видя в них большую угрозу, так как они могли перехватить у большевиков политическую инициативу, отнять у них руководство рабочим движением столицы.

Вопреки утверждениям советской историографии¹⁶, умеренные социалисты в февральские дни вели себя деятельно и доставляли большевикам немало хлопот. Они не просто сочувствовали рабочим, поддерживали их, но стремились принять прямое участие в их борьбе. Большевики же пытались оградить рабочих от контактов с активистами меньшевиков и эсеров, но сделать это было очень непросто. Прежде всего — из-за недостатка сил. Партия большевиков контролировала рабочие настроения, еще могла вести за собой рабочих, но большевиков в Петрограде не насчитывалось и 2 тыс. человек, так что сколько-нибудь полно охватить своим влиянием рабочих они не могли. Между тем в забастовочном движении участвовали многие рядовые меньшевики и эсеры (рабочие), и они осведомляли своих лидеров о рабочих настроениях¹⁷.

С каждым днем меньшевики и эсеры все более активно стремились присоединиться к забастовщикам и объединить свои усилия. За четыре дня, с 23 по 26 февраля, они организовали четыре встречи между собой (три на квартире М. Горького и четвертую у Керенского¹⁸). Это были встречи людей, жаждавших действия; они проявляли энтузиазм, верили, что демонстрации, массовое движение рабочих перерастет в революцию, но не могли преодолеть свою изолированность от масс и повлиять на события.

Большевики эти встречи игнорировали. По официальной версии, они не хотели вступать с меньшевиками и эсерами ни в какие соглашения («время для дипломатических переговоров, соглашений уже прошло.

Настала пора действий»¹⁹). Лишь на последнюю встречу, состоявшуюся 26 февраля, когда игнорировать возросшую активность умеренно-социалистического блока было уже невозможно, большевики хотя и не явились сами, но их представляли союзники: межрайонец К.К. Юренев и левый эсер Александрович; сами же большевики упорно не хотели встречаться с меньшевиками, Юренев и Александрович в ходе этой встречи старались дезинформировать своих собеседников, уверяя, что движение не может иметь успеха и сходит на нет. Целью этой дезинформации было желание убедить конкурентов не вмешиваться в разворачивающиеся в городе волнения.

Показательно, однако, что Юренев просил Керенского раздобыть денег для издания информационного бюллетеня. Это служит косвенным доказательством того, что в ходе этой встречи представители большевиков занимались дезинформацией (эта просьба удивила даже эсера В.М. Зензинова, присутствовавшего на встрече и искренне верившего всему, что говорили посланцы большевиков). Если бы большевики действительно считали, что рабочее движение не имеет шансов на успех и его необходимо останавливать (как они говорили на встрече), им не потребовался бы для этого информационный бюллетень: для прекращения забастовки достаточно было простой листовки²⁰. Большевики же, как раз в этот вечер, 26 февраля, готовили восстание. В случае успеха и захвата власти, им для развертывания пропаганды и в столице и тем более в провинции нужен был именно информационный бюллетень.

27 февраля план большевиков стал воплощаться в жизнь. Ранним утром началось рабочее восстание. Сначала все развивалось на редкость успешно для большевиков. Группы их боевиков без большого сопротивления занимали различные объекты в городе, полностью захватив, например, Нарвский район. Одна из групп захватила в Выборгском районе Финляндский вокзал, и Выборгский районный комитет превратил его в опорный пункт для распространения восстания «во всем городе». Здесь и решили большевики разместить Совет, подконтрольный их партийным структурам, и Временное революционное правительство, которое должен был образовать Совет²¹.

Поскольку пробольшевистские заводские комитеты так и не были созданы, ближайшей задачей большевиков становились выборы уже непосредственно в сам Совет рабочих депутатов. Это осложняло положение большевиков, так как теперь в Совет могло попасть немало независимых от них рабочих, а также представители эсеров и меньшевиков. Однако выбора не было, нужно было торопиться, и большевики в выпущенной ими листовке объявили о выборах в Совет: «Революция началась... Создавайте сегодня же Временное правительство... Выбирайте депутатов, пусть они свяжутся между

собой. Пусть под защитой войска создастся Совет депутатов... Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется революционный штаб»²².

Но, как ни странно, разрушили большевистские замыслы вовсе не меньшевики и эсеры, чьих действий так опасались большевики, а солдатское восстание, неожиданно начавшееся, параллельно с рабочим, утром 27 февраля. У большевиков было двойственное отношение к армии. С одной стороны, они выдвигали антивоенные лозунги, и это давало им серьезные основания рассчитывать на сочувствие солдат, а с другой стороны, в целом армия была еще довольно организованным политическим институтом, и в ней пока сохранялись патриотические настроения. Разрабатывая в феврале план захвата власти, большевики настороженно отнеслись к армии. Они добивались не перехода армии на сторону народа, ее присоединения к восстанию, а всего лишь нейтралитета, то есть отказа солдат стрелять в народ. Большевики надеялись, что в общей массе восставших будут преобладать рабочие²³.

Итак, 27 февраля большевики действовали в непредсказуемой обстановке, не успев создать верные себе, подчиненные партии заводские комитеты. Когда же к рабочему восстанию присоединились солдаты, их положение стало еще более невыгодным. С этого момента в общей массе восставших более весомой, ведущей стороной были уже не рабочие, а те, кто имел оружие — солдаты.

Солдаты действовали совместно с большевиками. И все же они обязаны были задуматься о последствиях своих действий: в случае поражения восстания их ждала жестокая расправа. Либералы же и умеренные социалисты, думские деятели, казалось, имели возможность придать их действиям легальность и обеспечить гарантии безопасности²⁴.

Поэтому когда возле «Крестов» к освободившей их большой группе рабочих и солдат обратились только что выпущенные ими из тюрьмы меньшевики — члены Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета во главе с К.А. Гвоздевым — и предложили отправиться в Таврический дворец и создать Совет рабочих депутатов под прикрытием Государственной думы, солдаты сразу же охотно согласились и уговорили колеблющихся рабочих, к тому времени в Таврическом дворце уже несколько часов находились основные лидеры меньшевиков и эсеров. Они явились туда сразу, когда узнали, что в городе началось восстание и солдаты поддержали рабочих. Но до двух часов дня они находились в здании одни и по-прежнему были непричастны к происходившему в городе (в два часа дня к зданию вместе с освобожденными меньшевиками подошла первая большая группа рабочих и солдат). Так солдаты помогли меньшевикам и эсерам возглавить народное восстание.

С этого момента большевики потеряли свою руководящую роль и центр

силы переместился в Таврический дворец. Большевики до самого вечера пытались сохранить руководство восстанием. И лишь вечером, оставшись у опустевшего Финляндского вокзала, после ухода почти всех рабочих и солдат к Таврическому дворцу, были вынуждены присоединиться к общему, эсеро-меньшевистскому Совету рабочих депутатов, уже без всякой надежды на успех в нем²⁵.

27 февраля в городе был только один настоящий хозяин — народ, восставшие рабочие и солдаты. Только они, рабочие и солдаты, а не лидеры, определяли ход восстания. Именно от их решения зависело, кто будет руководить восстанием. Большевикам только казалось, что они являются руководителями народа. Народ шел за ними лишь потому, что они выдвинули более радикальную программу по сравнению с другими. Но когда ситуация изменилась — появилась альтернативная политическая сила, способная обеспечить выживаемость Февраля, — народ перешел на ее сторону.

В феврале большевики имели возможность захватить власть в Петрограде, сформировав здесь свое правительство. Однако Петроград — не вся страна и удержать власть в целом, в масштабе страны, им не приходилось рассчитывать. В феврале, в отличие от октября, страна не была подготовлена к установлению большевистской власти: в февральской России 1917 года еще имелись мощные политические силы, настроенные продолжать войну (тем более, что армия готовилась к весеннему наступлению, которое могло существенно ускорить завершение войны²⁶). Большевики и основная часть эсеровской партии, вырвав у интернационалистов руководство народным восстанием, спасли их от поражения, а Февраль — от неминуемой расправы.

Днем 27 февраля меньшевики и эсеры оказались во главе восстания. В этот день они образовали свой Совет: вечером состоялось его первое заседание. В руководящем органе Совета — Исполнительном комитете (исполкоме) — преобладали меньшевики: Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, К.А. Гвоздев, Б.О. Богданов, Н.С. Гриневич и Н.Ю. Капелинский. Вошел сюда и внефракционный социал-демократ Н.Д. Соколов. Эсеров в руководящем органе Совета первоначально представлял только Керенский (впрочем, и он официально в эсеровскую партию вступил лишь в марте). Председателем исполкома избрали Н.С. Чхеидзе, руководителя фракции меньшевиков в IV Государственной думе, его заместителями (товарищами) — Керенского и Скобелева, также депутатов Думы²⁷.

Но и после перехода руководства восстанием от большевиков к меньшевикам и эсерам, в положении восставших мало что реально изменилось. Они

по-прежнему были бунтовщиками. В Петрограде уже не было правительства (премьер-министр Н.Д. Голицын объявил о сложении своих полномочий), были разгромлены многие учреждения правопорядка (полицейские участки и управления), но еще сохранилась императорская власть; в провинции в полном порядке действовал аппарат управления — губернаторы. 27 февраля беспорядками был охвачен только Петроград, а 28-го — частично и Москва. Провинция же пока даже ничего не знала о событиях в Петрограде. Наконец, волнениями не была затронута подавляющая часть армии на фронте и в провинциальных тыловых гарнизонах. Вечером 27 февраля в Петрограде стало известно об отправке с фронта карательной экспедиции генерала Н.И. Иванова ²⁸. В этой ситуации меньшевики и эсеры остро нуждались в содействии либералов: лишь их согласие возглавить народное восстание могло легализовать и юридически закрепить успехи социалистов.

Чтобы либералы согласились присоединиться к восставшим, необходимо было отказаться от антивоенных лозунгов: из антивоенного восстание должно было стать антиправительственным, способным объединить вокруг себя различные политические силы, враждебные старой власти, самодержавию, от умеренных социалистов до либералов. И такое изменение облика февраля было произведено во второй половине дня 27 февраля меньшевиками и эсерами.

Решающую роль в этом переходе сыграл левый меньшевик Н.Н. Суханов. Он считал себя противником войны, даже пораженцем (и в принципе являлся таковым в действительности), но считал, что в обстановке уже начавшегося восстания вопрос о войне отходил на второй план, а на первый план выходила судьба самого восстания, возможность его выживания. И Суханов возглавил переговоры с либералами, описанные им в его воспоминаниях ²⁹.

Первым пунктом его переговоров с либералами стала мысль о силе и размахе восстания в Петрограде. Он говорил Милюкову: «В настоящую минуту... собирается Совет рабочих депутатов. Успешное народное восстание означает, что в его руках окажется через несколько часов если не вся государственная власть, то вся наличная реальная сила в государстве, или, по крайней мере, в Петербурге. При капитуляции царизма именно Совет окажется хозяином положения». Тем самым Суханов пытался убедить Милюкова, что у социалистов достаточно сил, чтобы самостоятельно, без помощи либералов, отразить все атаки контрреволюции и ликвидировать царизм. (В реальности вечером 27 февраля положение восставших было критическим.)

Суханов убеждал Милюкова, что социалисты вступают в переговоры с

либералами лишь по одной причине: не хотят лишнего кровопролития. Перед лицом мощного народного восстания у царя остается один выход — передать власть либералам (теперь его министры от контактов с либералами не откажутся). И социалисты, в целях предотвращения кровопролития, готовы передать власть либералам и согласиться на создание ими чисто либерального (буржуазного) правительства,

Но социалисты не могут просто взять и передать власть либералам. Для этого сначала придется ограничить размах народного движения, сделать его более умеренным и осторожным. Однако «попытка удержать народные требования в определенных пределах — это попытка довольно рискованная; она может дискредитировать руководящие круги демократии (то есть умеренных социалистов. — С.Х.) в глазах народных масс... Движение может перелиться через все организационные рамки и перейти в безудержный разгул стихии». Идя на столь рискованные шаги, социалисты должны быть уверены в действиях либералов, и потому условием передачи им власти может быть только одно требование: полная ликвидация самодержавия, отречение Николая II.

Советская историческая наука расценивала эту позицию меньшевиков и эсеров как предательскую по отношению к восставшим рабочим и солдатам. Но их поведение выглядит иначе, если учитывать ситуацию в целом. Тактическая линия, избранная меньшевиками и эсерами, была в тех условиях совершенно правильной. Николай II никогда не стал бы вести переговоров с социалистами, даже умеренными, и это чрезвычайно затруднило бы развитие революции. «Общенациональная» революция, распространяясь в этих условиях на остальную страну, естественно превращалась для социалистов в гражданскую войну с перспективой поражения восстания.

Тактика же, избранная меньшевиками и эсерами, была более рациональна. В 2 часа ночи на 28 февраля, образованный либералами орган — Временный комитет Государственной думы — объявил о взятии власти³⁰. Это решение комитета не только улучшило положение восставших в Петрограде рабочих и солдат, но фактически стало началом революции в России.

Провинция узнала о событиях в Петрограде от либералов, получив телеграмму особого комиссара по Министерству путей сообщения А.А. Бубликова, переданную по специальному железнодорожному телеграфу. В ней, в частности, утверждалось: «Старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бессильной. Государственная дума взяла в свои руки создание новой власти». Вскоре на места прибыла и вторая телеграмма, за подписью Родзянко — уже не только

председателя Государственной думы, но и образованного ею Временного комитета ³¹. Таким образом, страна, получив две первые официальные телеграммы из Петрограда, безоговорочно поверила, что в столице власть перешла к Государственной думе и ее исполнительному органу — Временному комитету.

При таком освещении событий в Петрограде, сильно преувеличившем роль либералов в событиях в столице, кардинально облегчалось устранение старого порядка в провинции. Царские губернаторы с получением из Петрограда этих первых сообщений, имевших официальное значение, охотно вступали в переговоры с либералами, и власть бескровно переходила к местным революционерам.

Например, в Верхнем Поволжье особенно легко добились этого результата ярославские либералы. 2 марта кадет Д.Е. Тимрот, председатель губернской земской управы, и октябрист А.П. Преображенский, городской голова, встретились с губернатором Н.Л. Оболенским и попросили его не вмешиваться в общественную жизнь города. Губернатор обещал, что не будет возражать против организации новой власти в Ярославле и уедет из города, как только получит необходимые распоряжения из центра. В результате переговоров контроль над Ярославлем перешел к новой власти ³². И в большинстве губерний вследствие переговоров либералов с губернаторами смена власти производилась местными деятелями, без насилия и вмешательства из центра, что оправдывало тактику, избранную меньшевиками и эсерами. Либералы трансформировали чисто петроградское восстание в общенациональную революцию: их присоединение к восстанию предопределило мирный, бескровный характер передачи власти в провинции. Да и в общероссийском масштабе Временный комитет Государственной думы обеспечил мирную передачу власти, добившись 2 марта отречения Николая II и создания либерального Временного правительства.

Так либералы реализовали свою давнюю, заветную мечту — получили власть. Во Временном правительстве большинство министерских постов, 6 из 11, досталось двум крупнейшим либеральным партиям: кадетам (4 министерских поста) и октябристам (2). Наиболее весомой, колоритной фигурой в правительстве был лидер кадетов Милюков, занявший пост министра иностранных дел. В тот момент многие, и прежде всего он сам, полагали, что настал его звездный час и отныне он будет определять и направлять судьбы страны; председателем правительства стал видный деятель либеральной оппозиции князь Г.Е. Львов.

Но меньшевики и эсеры, позволив либералам сформировать правительство, не собирались передать ему реальную власть. Действительным

хозяином страны, по их мнению, должен был оставаться Совет рабочих и солдатских депутатов³³. В политической системе, сконструированной меньшевиками и эсерами в февральско-мартовские дни 1917 года, Совет, по сути, превратился в своеобразный всеильный парламент: его полномочия не ограничивались никакими государственными актами, кроме собственных постановлений³⁴. Напротив, власть, которую получили либералы, была слаба. Правительство оказалось беспомощным, бессильным органом, не способным решить ни один вопрос без поддержки Совета.

В те дни, когда умеренные социалисты нуждались в поддержке либералов, то есть во время свержения старой власти, с 28 февраля по 2 марта, они позволили либералам на короткое время почувствовать себя хозяевами положения. Начиная с 28 февраля, с момента, когда либералы формально взяли власть, социалисты не мешали либералам вести агитацию в массах и на передний план все заметнее стали выдвигаться либеральные лозунги. Одним из них и был лозунг продолжения войны до победного конца.

Умеренные социалисты в этот период часто выступали на совместных митингах с либералами и никогда не вступали с ними в спор по вопросу об отношении к войне, хотя у них с либералами по этому вопросу сохранялись существенные разногласия: в отличие от либералов, желавших продолжать войну до победного конца, умеренные социалисты выступали за скорейшее заключение мира). Но главным для них в то время оставалось продолжение и закрепление революции. А для этого пока были необходимы либералы. По мнению наиболее дальновидных представителей эсеро-меньшевистского блока, либералы, буржуазия, смещая старую власть, должны были полагать, что делают это для себя, для реализации собственных целей и задач, а вовсе не во имя целей и задач своих партнеров-конкурентов (эсеров и меньшевиков)³⁵. Суханов писал об этом так: «Не надо отнимать у буржуазии надежду выиграть эту борьбу. Надо остерегаться таких обращенных к ней требований и условий, при которых она могла бы счесть опыт нестоящим и обратиться к другим путям закрепления своего классового господства»³⁶.

Таким образом, согласие либералов присоединиться к восстанию и взять власть не привело к достижению поставленных ими целей; способствуя перерастанию восстания в революцию, это решение привело либералов к краху, а не стало звездным часом либерализма.

Могли ли либералы не присоединиться к восстанию и позволить властям подавить его? Теоретически — да, а практически — нет. Во-первых, в силу присущего российской интеллигенции гуманизма они полагали, что если возьмут власть, то смогут остановить кровопролитие (в Петрограде в это вре-

мя рабочие и солдаты жестоко избивали и убивали полицейских и офицеров, а на подавление восстания двигалась карательная экспедиция генерала Иванова). Во-вторых, при подавлении восстания власти могли проучить и самих либералов, в немалой степени виновных в разжигании антиправительственных настроений в народе. Как писал впоследствии министр Временного правительства В.Н. Львов, «призрак кровавого подавления мятежа... сжигал сердца... более, чем призрак революции»³⁷. В-третьих, либералам давно хотелось власти, и теперь им представлялся подходящий случай.

Издавна убежденные, что власть должна принадлежать им, либералы днем 27 февраля обреченно наблюдали за происходившим: видели, что власть ускользает от них, и понимали свою неспособность влиять на события. И вдруг вожаки народного движения сами, добровольно приходят к ним, передают им власть и ограничивают всевластье этой толпы. Добровольный приход к ним умеренных социалистов еще больше укрепил либералов в мысли, что им суждено управлять страной.

Принимая власть, либералы рассчитывали использовать имевшиеся у них возможности усилить свои политические позиции в противовес конкурентам.

Во время переговоров с социалистами правая часть либерального лагеря, во главе с Родзянко и правым кадетом В.А. Максаковым, предлагала своим единомышленникам добиваться сохранения Государственной думы как официального учреждения. Родзянко считал, что Дума была вполне дееспособна и могла сыграть роль действующего парламента и после Февраля³⁸. Положение социалистов в момент переговоров еще не было прочным, и они могли пойти на серьезные уступки либералам.

Но большинство в Думе и во Временном комитете разделяло мнение Милюкова. А Милюков утверждал, что предложение, сделанное Родзянко, нереально. Дума, являвшаяся составной частью дореволюционной политической системы, не должна контролировать правительство, пришедшее к власти в результате революционного переворота³⁹. Народ не потерпит старой Государственной думы и, если она сохранится, рано или поздно сметет и ее, и правительство, пытающееся за нее держаться.

Позиция Милюкова определялась еще и тем, что ни Государственная дума, ни Родзянко не нужны были самому Милюкову. По степени влияния председатель Думы был единственной фигурой в либеральном лагере сопоставимой с Милюковым; накануне Февраля Родзянко был реальным кандидатом на пост председателя правительства и потому не устраивал Милюкова, считавшего, что Родзянко стоит на его пути к власти. В феврале 1917 года Родзянко казался Милюкову более опасным противником, чем социалисты.

Миллюков думал, что Родзянко преувеличивает силу и влияние социалистов. Да, у них есть радикалы — большевики. Но эти-то, правые, умеренные социалисты, не представляют для либералов серьезной опасности. По воспоминаниям Суханова, Миллюков в ходе переговоров с социалистами произнес показательную реплику в адрес своих партнеров по переговорам: «Да, я слушал вас и думал, как далеко вперед шагнуло наше рабочее движение с 1905 года». Правоту Родзянко этот несостоявшийся «вождь нации» смог оценить значительно позднее, уже находясь в эмиграции, когда имел возможность прочитать в воспоминаниях Суханова его комментарий к этим своим словам: «Этот комплимент Миллюкова был бы не особенно лестным для нас, если бы он не был преждевременным»⁴⁰.

В итоге из-за Миллюкова либералы так и не поставили на переговорах с социалистами вопроса о сохранении Государственной думы как действующего парламента. Отстранение Государственной думы от власти⁴¹ позволило занять ее место в новой политической системе более радикальному Петроградскому совету. Надежды либералов на сотрудничество с Советом не оправдались, и их Временное правительство попало под жесткий контроль социалистического Петроградского совета.

Так правительство полностью проиграло Совету политическую борьбу в Петрограде. Но у либералов оставался еще один шанс на усиление своих позиций в обществе, стране. Новое правительство неожиданно получило мощную поддержку провинции, его авторитет там в первые дни после Февраля оказался очень высок. Отчасти это объяснялось тем, что в провинции еще не было известно о всех перипетиях происходившего в Петрограде, о слабости правительства и силе Совета, но сказывалось и то, что страна уже давно ожидала свержения старого режима и была подготовлена к мысли о неизбежности прихода либералов к власти. В провинции даже большевики проявляли лояльное отношение к такому правительству. Об этом свидетельствует листовка костромских большевиков: «Государственная дума объявила себя Временным правительством. Долг каждого гражданина оказать поддержку новому правительству»⁴².

О полной и безусловной поддержке правительства заявили новые провинциальные органы власти — комитеты общественной безопасности, образовавшиеся в февральско-мартовские дни в губернских и уездных городах России. Политический вес этих комитетов в жизни провинции сравним с весомостью Совета в Петрограде. Комитеты пользовались абсолютным доверием у местного населения, так как представляли основные его социальные группы. К примеру, в ярославский губернский Комитет общественного порядка входили 11 рабочих, 10 крестьян, 10 солдат и офицеров (члены образовавшегося в Ярославле Совета военных

депутатов, первоначально состоявшего не только из солдат, но и офицеров), 8 депутатов-земцев, 18 кооператоров (лиц, помогавших крестьянам развивать сельское хозяйство)⁴³. Политически в комитетах были представлены все оппозиционные самодержавию партии от кадетов до большевиков.

Эти влиятельные органы были готовы помогать правительству, выполнять на местном уровне все его распоряжения, и добровольно выражали желание стать правительственными органами на местах; они стремились получить официальный статус, сделаться составной частью новой политической системы⁴⁴.

Правительство получило возможность создать разветвленную сеть своих органов на местах, противопоставить ее советам и тем самым существенно повысить свое влияние на политические процессы в стране. И тут либералы снова допустили просчет. Их правительство не откликнулось на просьбы комитетов, а предпочло опереться на социально близкие либералам структуры власти — земства и городские думы (в чем не было ничего удивительного, ведь председатель правительства Львов был выходцем из этой сферы и возглавлял Всероссийский земский союз). Власть на местах вручалась губернским и уездным комиссарам, которыми становились председатели губернских и уездных земских управ. Более того, правительство не просто проигнорировало обращения комитетов, но и максимально ограничило, свело к нулю все их права. До ликвидации их дело не дошло, однако они не были подключены к официальной политической системе, не стали ее составной частью. Им было отказано в главном: в финансировании из центра их самостоятельной деятельности. Комитеты могли рассчитывать на материальную помощь, но лишь для выполнения отдельных поручений комиссаров⁴⁵.

Таким образом, на местах единственным органом, подчиненным правительству, оказались комиссары. Все остальные органы местной власти — комитеты общественной безопасности, земства, городские думы и всевозможные советы, представляя интересы местного населения, даже формально, юридически не были подконтрольны правительству: выполнять его указания обязан был только комиссар⁴⁶.

Несправедливая административная политика центра ожесточила комитеты общественной безопасности, и они потребовали, чтобы комиссары губерний и уездов назначались без вмешательства центра, на местах, самими комитетами. Еще одно их требование заключалось в полном подчинении деятельности комиссаров местным интересам: теперь комитеты не соглашались даже на установление одинаковой ответственности комиссаров — перед комитетами и перед центральным правительством. Во второй

половине марта правительству пришлось согласиться с требованиями комитетов и предоставить им право самостоятельно назначать комиссарами лиц, «пользующихся доверием местного населения»⁴⁷.

Расчет сделать комиссаров ответственными перед центром, правительством — не оправдался, они попали в полную зависимость от комитетов общественной безопасности. Комитеты же, действительные органы власти на местах, оказались вне контроля правительства. Фактически это означало губернизацию России, распад страны на отдельные губернии. С этого момента в каждой губернии власти, даже и не помышлявшие о местном или национальном сепаратизме, становились практически независимыми от центра и правительство уже не располагало никакими рычагами влияния на местную жизнь. Правительство, лишившись доверия местных органов власти, потеряло последнюю возможную опору в своем противостоянии политике Петроградского совета и оказалось в сильной зависимости, под контролем социалистов.

В свержении самодержавия участвовали все оппозиционные силы: от либералов до большевиков. Противоречия между этими политическими силами на каждом из этапов Февраля получали разные очертания. Различия между ними настолько существенны, что выделяются как будто не три этапа Февраля, а три совершенно разных Февраля. В первые дни волнений, с 23 февраля до первой половины дня 27 февраля, когда во главе восставшего народа действовали большевики, очевидна антивоенная направленность движения. Во второй половине дня 27 февраля к руководству народным восстанием пришли меньшевики и на первый план вышла критика власти в целом («Долой самодержавие!»). Начиная же с 28 февраля доминировали патриотические призывы, требования довести войну до победного конца.

Каждая из трех политических сил внесла свой вклад в успех, победу Февраля. Власть в России к началу 1917 года пользовалась почти всеобщим презрением (от простого народа, «низов», до салонов великих князей), и потому начатой большевиками антивоенной акцией воспользовались другие, более умеренные политические силы, уже давно рвавшиеся к власти.

Несмотря на внешнюю противоречивость событий в феврале 1917 года, они развивались на редкость последовательно. Февраль мог состояться, победить, лишь при одном условии: вовлечении в него всех оппозиционных сил. При любом другом развитии ситуации его ждало поражение. Ни антивоенный, ни чисто социалистический Февраль не имели шансов на успех.

Самые важные роли в этом удавшемся политическом действе достались

либералам и умеренным социалистам. Либералы, и только они, сделали возможной мирную победу Февраля, обеспечили легкий переход власти от старых структур к новым. Без них драматическое столкновение самодержавия и социалистов было неизбежно. Умеренные социалисты (меньшевики и эсеры) выступили главными творцами Февраля, и в результате его победы стали самой влиятельной политической силой в стране. Именно они в критический момент, когда поражение антивоенного восстания в Петрограде казалось неминуемым, привлекли либералов на свою сторону. Таким образом, передавая в феврале власть либералам, меньшевики и эсеры не предали восставший народ (как утверждали советские историки), а избрали оптимальное решение, позволившее предотвратить поражение революционных сил.

И все же интересы политических сил, причастных к победе Февраля, совпали лишь на короткое время, потребовавшееся для свержения старой власти и создание новой. Поэтому февральскими событиями не разрешился острый политический кризис, а началось вхождение страны в новый, более острый и жестокий кризис — революцию 1917 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. БУРДЖАЛОВ Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде, М. 1967; СТАРЦЕВ В.И. 27 февраля 1917. М. 1984; ГАЙДА Ф.А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия. — Вопросы истории, 1996, № 3; ЕГО ЖЕ. Февральская революция и судьба Государственной думы. — Там же, 1998, № 2; ШАШКОВА О.А. Февральский излом. — Свободная мысль, 1997, № 3; ГАНЕЛИН Р.Ш. 25 февраля 1917 года в Петрограде. — Вопросы истории, 1998, №7.
2. МИНЦ И.И. История Великого Октября. Т. I. М. 1977, с. 481, 514.
3. Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. М. 1991, с. 105—106; КЕРЕНСКИЙ А.Ф. Россия на историческом повороте. М. 1993, с. 133.
4. МИНЦ И.И. Ук. соч., с. 420-421; БУРДЖАЛОВ Э.Н. Ук. соч., с. 116-117; Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М. 1971, с. 138.
5. ШАШКОВА О.А. Ук. соч.; КОЖИНОВ В.В. Россия. Век XX. 1901-1939. М. 1998.
6. История политических партий России. М. 1994, с. 283—284; ТЮТКЖИН С.В., ШЕЛОХАЕВ В.В. Марксисты и русская революция. М. 1996, с. 231—233; ШЛЯПНИКОВ А.Г. Канун семнадцатого года.

Семнадцатый год. Т. 2. Кн. 1-2. М. 1992, с. 102.

7. ЛЕЙБЕРОВ И.П. На штурм самодержавия. М. 1979, с. 43.

8. СТАРЦЕВ В.И. Ук. соч., с. 100-101.

9. ШЛЯПНИКОВ А.Г. Ук. соч., с. 78-79; МИНЦ И.И. Ук. соч., с. 446.

10. КОЖИНОВ В.В. Ук. соч., с. 180.

11. ЛЕНИН В.И. О временном революционном правительстве. (Поли. собр. соч. Т. 10).

12. МИНЦ И.И. Ук. соч., с. 445-446; ГАНЕЛИН Р.Ш. Ук. соч., с. 98.

13. СТАРЦЕВ В.И. Ук. соч., с. 135; ТЮТЮКИН С.В., ШЕЛОХАЕВ В.В. Ук. соч., с. 231.

14. ШЛЯПНИКОВ А.Г. Ук. соч., с. 103; СТАРЦЕВ В.И. Ук. соч., с. 135.

15. ЛЕНИН В.И. Поли. собр. соч. Т. 27, с. 245.

16. «Меньшевики и эсеры пытались сдерживать развитие событий, называя вооруженную борьбу "безумием"». Такой была в советское время официальная точка зрения (История СССР. XIX - начало XX в. М. 1987, с. 450).

17. БУРДЖАЛОВ Э.Н. Ук. соч., с. 156.

18. Октябрьский переворот, с. 112.

19. Цит. по: ШЛЯПНИКОВ А.Г. Ук. соч., с. 90.

20. Октябрьский переворот, с. 112—114; БУРДЖАЛОВ Э.Н. Ук. соч., с. 158.

21. МИНЦ И.И. Ук. соч., с. 461-462; СТАРЦЕВ В.И. Ук. соч., с. 152; БУРДЖАЛОВ Э.Н. Ук. соч., с. 188, 202.

22. СТАРЦЕВ В.И. Ук. соч., с. 144.

23. Партия большевиков, с. 177-178; БУРДЖАЛОВ Э.Н. Ук. соч., с. 202.

24. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. Т. 2. М. 1990, с. 253.

25. СТАРЦЕВ В.И. Ук. соч., с. 152; БУРДЖАЛОВ Э.Н. Ук. соч., с. 205.

26. ИОФФЕ Г.З. Февральская революция. — Вопросы истории КПСС, 1990, № 10, с. 86; СМИРНОВ А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг. М. 1998, с. 583.

27. Октябрьский переворот, с. 96—97.

28. ПАЙПС Р. Русская революция. Т. 1. М. 1994, с. 315.

29. СУХАНОВ Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М. 1991, с. 59-60, 88.

30. МИНЦ И.И. Ук. соч., с. 483.

31. БУРДЖАЛОВ Э.Н. Ук. соч., с. 279-280; *Голос (Ярославль)*, 2, 3. Ш.1917.
32. *Голос*, 3.Ш.1917.
33. Совет рабочих депутатов был преобразован в объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов 1 марта.
34. То, что Петроградский совет фактически выполнял функции парламента, хотя и очень своеобразно, отмечено в статье А.Б. Николаева и О.Л. Поливанова «Российский парламентаризм в 1917 году» (Кентавр, 1995, № 2).
35. Зато после свержения старой власти (2 марта) меньшевики и эсеры полностью навязали либералам свои представления о войне. Впервые свою позицию по военно-политическим вопросам они сформулировали 15 марта, когда Петроградский совет принял «Воззвание к народам всего мира». Руководители Совета вынудили либеральное Временное правительство издать 27 марта официальное заявление о целях войны, выдержанное в духе воззвания Петроградского совета. Это означало полную капитуляцию либералов перед социалистами. Лишь Милюков упорно пытался противостоять социалистам. Но его взгляды, в феврале 1917 г. разделявшиеся целым политическим лагерем (либералами), в конце марта — начале апреля воспринимались в стране уже как «ересь», анахронизм, вызвав первый серьезный внутривластный кризис.
36. СУХАНОВ Н.Н. Ук. соч., с. 132.
37. Цит. по: СТАРЦЕВ В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л. 1980, с. 35.
38. МАКЛАКОВ В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк. 1954, с. 377-378; РОДЗЯНКО М.В. Государственная дума и Февральская революция. — *Архив русской революции*. Т. 6. М. 1991, с. 70.
39. СТАРЦЕВ В.И. Революция и власть. М. 1978, с. 18; МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 260-261.
40. СУХАНОВ Н.Н. Ук. соч., с. 152,
41. Несмотря на то, что формально Государственную думу распустили только осенью 1917 г., как реальный политический институт она перестала играть роль сразу же после Февраля (ГАЙДА Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы, с. 35—36, 41).
42. Центр документации новейшей истории Костромской области, ф. 383, оп. 1, д. 22, л. 1.
43. *Голос*, 8.Ш.1917.

44. ГЕРАСИМЕНКО Г.А. Первый акт народовластия в России. М. 1992, с. 196; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1788, оп. 2, д. 107, л. 8.
45. Вестник Временного правительства, 7.Ш. 1917; ГЕРАСИМЕНКО Г.А. Ук. соч., с. 55—56, 200.
46. СТАРЦЕВ В.И. Внутренняя политика, с. 203.
47. ГЕРАСИМЕНКО Г.А. Земское самоуправление в России, М. 1990, с. 70; ГАРФ, ф. 1788, оп. 2, д. 107, л. 20.